

Ц. Б. ЦЫДЕНДАМБАЕВ

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В бурятском языке, как и в других, на фоне общеупотребительных и в стилистическом отношении непоказательных слов выделяются пласты лексики, отличающиеся ограниченностью употребления или экспрессивными нюансами.

Так, например, наряду с общеизвестным словом *гар* «рука» употребительно риторическо-приподнятое название этого же предмета *мотор*, которое примерно соответствует русскому «десница»; наряду с обычными *нюдэн* «глаз» и *хул* «нога» еще не забыты такие их названия, как *нята* «око» и *ульмы* «ноги у богов или высокопоставленных духовных лиц». Если глагол *байха* «стоять» общеупотребителен и стилистически не выразителен, то глагол *зогсохо* с тем же значением имеет оттенок книжности, тогда как глагол *гозойхо* «стоять торчком» обладает оттенком грубости; глаголам *ошохо* «идти, отправляться», *турэхэ* «рождаться» и *эдиэхэ* «есть, кушать» можно противопоставить торжественно-риторические *заларха* «шествовать», *мүндэлхэ* «рождаться (о высокопоставленных лицах)» и *зооглохо* «принимать трапезу».

Достаточно бывает употребить во фразе хотя бы одно-два стилистически ярко выраженных слова, как эта выразительность придается всему высказыванию. Например, герой одного из рассказов Хоца Намсараева — старик Бодинсуй говорит так: — *Гулваа ноён, маша зуб айлдажа байнат*¹ «Господин (родовой) голова, Вы изволили сказать

¹ Хоца Намсараев. Суглуулагламал зохёолнууд, т. 1, Улан-Удэ, 1957, стр. 164.

совершенно верно». Несколько приподнятый тон этого отрывка из речи старика Бодинсуя по сути дела основан на слове *айлдаха* «позволить сказать что-либо, изрекать», в чем можно убедиться, заменив его другим, стилистически непоказательным синонимом *хэлэхэ* «сказать»: фраза *Гулваа ноён, маша зуб хэлэжэ байнат* просто означала бы «Господин (родовой) голова, Вы сказали совершенно верно». Приведем еще один коротенький пример: писатель Ч. Цыдендамбаев про одного из своих отрицательных персонажей пишет, что *тэрэнь гаража тонило*² «он убрался прочь». Здесь пренебрежительное отношение автора к своему персонажу передается посредством глагола *тонило* «убраться прочь», но если заменить его глаголом *ошоло* «идти, отправляться», то авторское высказывание потеряло бы эмоциональность: *тэрэнь гаража ошобо* всего лишь означало бы «он ушел (или вышел) отсюда».

Наблюдаемая сейчас стилистическая дифференцированность нашего словарного состава несомненно представляет результат длительного языкового развития и своими корнями, как видно из материалов, уходит не только в собственно бурятское прошлое, но и в общемонгольское. Во всяком случае, основные стилистические пласты словаря уже были видны в классическом письменном монгольском языке и соответственно с ним в языке, на котором написаны бурятские дореволюционные деловые бумаги, исторические хроники, учебная и переводная с тибетского и русского языков литература. В этом языке на фоне общей лексики заметно выделялись, с одной стороны, слова, стилистически приподнятые, а с другой — слова, стилистически приниженные.

Материалы, написанные нашими авторами на старописьменном монгольском языке, в массе своей относятся к периоду феодального развития Бурятии. Поэтому понятно, что и в стилистической дифференциации лексики этого языка сказалась господствующая классовая идеология того времени. Так, львиная доля слов с возвышенным колоритом использовалась для возвеличивания буддийской религии и ее духовенства, Российского самодержавия и его чиновничества, о чем свидетельствуют, в частности, следующие, часто встречавшиеся в тогдашней

² Ч. Цыдендамбаев. Бурят басаган, Улаан-Удэ, 1961, стр. 12.

литературе, выражения: *иладжу төгөс нүгчигсэн бурхандор мөргөмөй* «поклонимся всепобедившему и усопшему Бурхану», *хамуг-и мэдэгчи далай блама* «всеведущий Далай-лама», *орос орон-и өбэр-үн мотор-таган баригчи йэхэ дэгэдү эдзэн хаган* «Его величество государь-император, самодержец России», *хаган-у хайира* «царская милость», *өндөрлэгчи-ийн дзарлиг* «высочайший указ», *тэдэ гэгэн түйату ноян* «онн — светлейший князь», *стинэнүй дүмэ-ийн тайиша ноян-а айиладхалу* «докладывать господину тайше степной думы». Приподнятая или просто положительно окрашенная лексика не использовалась, конечно, не только в классовых интересах, но и в обычных стилистических целях. Так, вместо просторечно-разговорных *алаха* «убивать» и *үхэхэ* «пропадать,дохнуть» употреблялись эвфемизмы *хорогаху* так сказать «пускать в расход, умерщвлять» и *гардзалаху* «гибнуть, падать (о падеже скота)», вместо обычного выражения *алба түлэху* «платить подать» иногда писали в торжественном тоне *албч эргүху* «вносить дань» и т. п.

Старописьменный монгольский язык, как известно, был построен на арханческих правилах орфографии, в нем сохранялся ряд устаревших грамматических форм и конструкций, употреблялось определенное количество арханзмов, поэтому он в значительной мере был оторван от живого разговорного языка и являлся, в общем, языком книжным. Тем не менее в него проникала лексика с пониженной окраской, то есть разговорные или даже просторечные слова. Об этом говорят факты употребления, в частности, таких разговорных слов, как *самаган* «жена», *бацаган* «дочь», *туранхи* «голод», *зэмсэг* «инструмент» и т. п., тогда как имеются соответствующие им литературные слова *гэргэй, хэхэн, зүд, зэбсэг*.

Унаследованная от прошлого стилистическая градация словарного состава получила дальнейшее развитие в современном литературном бурятском языке, который создавался в период социалистического строительства в нашей стране.

Стало как бы общепринятой формулой говорить, что современный литературный бурятский язык создан на базе хоринского диалекта и только. Такое понимание суживает и, следовательно, обедняет наше представление о своем литературном языке, ибо на самом деле источниками его явились: 1) старописьменный монгольский

язык, послуживший литературно-книжной основой для современного литературного бурятского языка; 2) язык устного народного творчества бурят и 3) хоринский диалект, ставшие живой разговорной основой для современного литературного бурятского языка. Вместе с тем наш литературный язык, особенно его лексика, обогащается за счет заимствования прежде всего из русского языка, а также из своих местных говоров и родственного монгольского языка. Таким образом, база современного бурятского литературного языка сильно расширилась и соответственно этому значительно богаче и сложнее стала стилистическая дифференциация его словарного состава.

Лексику бурятского языка можно подразделить на стилистически нейтральные (или общеупотребительные) слова и на стилистически дифференцированные (или ограниченно употребительные) слова.

Нейтральная в стилистическом отношении лексика оказывается наиболее широко и часто употребительной как в литературном, так и в разговорном языке. Таковы, например, следующие названия предметов и явлений: *ан* «зверь», *буу* «ружье», *бэе* «тело», *газар* «земля», *гал* «огонь», *гар* «рука», *гэр* «дом», *жэл* «год», *мал* «скот», *дэгэл* «шуба», *модон* «дерево», *морин* «лошадь», *мяхан* «мясо», *намар* «осень», *наран* «солнце», *нүхэр* «товарищ», *нюур* «лицо», *ой* «лес», *саг* «время», *үбхэн* «трава; сено», *үдэр* «день», *хонин* «овца», *хүн* «человек», *һалхин* «ветер», *һуни* «ночь», *яһан* «кость» и т. д.; названия качеств и обстоятельств: *бага* «малый», *боро* «серый», *елэ* «большой», *муу* «плохой, плохо», *сагаан* «белый», *сэбэр* «чистый», *тургэн* «быстрый, быстро», *үдаан* «медленный, медленно», *үлаан* «красный», *халуун* «жаркий, жарко», *хара* «черный», *хойно* «на севере», *хүйтэн* «холодный, холодно», *хүхэ* «спинный», *һайн* «хороший, хорошо» и т. д.; названия действий и состояний: *абаха* «брать; получать», *байха* «стоять; находиться», *гүйхэ* «бежать», *орохо* «входить; заходить», *тоолохо* «считать», *ууха* «пить», *хараха* «видеть; смотреть», *хүдэлхэ* только в знач. «двигаться», *хэхэ* «делать», *һууха* «сидеть», *эдихэ* «есть, кушать», *ябаха* «ходить; идти» и т. д. Эти и подобные им слова составляют основу всего словарного состава языка.

Дифференцированная в стилистическом отношении лексика имеет расслоение как по сфере употребления, так и по эмоциональности тона. Она прежде всего подразделяется

на группу литературно-книжных и группу разговорно-бытовых слов, которые в свою очередь состоят из более мелких подгрупп и разрядов.

Литературно-книжные слова могут быть таковыми лишь по сфере своего употребления, то есть быть просто книжными словами, но могут они еще иметь экспрессивные оттенки, то есть быть книжно-экспрессивными словами.

К книжным словам прежде всего относятся научные термины. В современном литературном бурятском языке вполне развиты общественно-политические, научно-популярные и учебно-методические термины. Они, как и вообще термины в любом другом языке, не характерны для обиходно-бытовой речи. Это, конечно, не означает, что термины не могут быть употреблены в разговорном языке. Известно, что термины встречаются в языке специалистов соответствующих областей, в докладах, лекциях и беседах, в выступлениях по радио и телевидению по определенным вопросам и т. д.

Кроме терминов, к книжным относятся и слова, употребительные только в литературно-письменном языке. Таковыми в бурятском языке являются, например, глаголы *асууха* (в разговорном языке употребительно *һураха*) «задавать вопрос, спрашивать», *соносохо* (в разг. *дуулаха*) «слушать», *хэсэхэ* (в разг. *зайха*) «бродить», имена существительные *самбар* (в разг. *дусхаа*) «доска», *сахилга* (в разг. *журам*) «дисциплина», послелог *дэргэдэ* (в разг. *хажууда*) «возле, около, при», дотор (в разг. *соо*) «внутри, в», усиленное слово *маша* (в разг. *ехэ* или *тон*) «очень, весьма» и т. п.

Некоторые книжные слова отличаются от соответствующих им разговорных вариантов главным образом фонетически и лишь в отдельных случаях — ёмкостью или отвлеченностью содержания: *дурсаха* (в разг. *дурдаха*) «вспоминать»; *дэбисхэр* «территория» (в разг. *дэбдихэр* «постель»); *үүсхэл* (в разг. *үүдхэл*) «инициатива»; *түгэс* (в разг. *түгэд*) «полный, полностью»; *зайсаха* «уклоняться, избегать» (в разг. *зайлаха* «отстраняться, отходить»); *субад* (в разг. *һубад*) «жемчуг»; *тусгаар* (в разг. *туһаар*) «особенный, особенно»; *зэбсэг* «орудие, инструмент» (в разг. *зэмсэг* «оружие; сбруя»); *эбдэхэ* «ломать; нарушать» (в разг. *эмдэхэ* «ломать, разламывать»); *дагаха* «следовать кому- или чему-

либо» (в разг. *дахаха* «идти за кем-либо»); *хугасаа* (в разг. *хухасаа*) «срок» и т. п.

Среди словообразовательных средств языка имеются суффиксы, наиболее присущие литературно-письменному языку: **-лга**, **-лта** и некоторые другие. При помощи этих суффиксов создано значительное количество именных новообразований, употребительных почти полностью лишь в литературном бурятском языке: *байгуулга* «строй; устройство», *зэбсэг жүүлгэ* «вооружение кого-либо», *машинажаруулга* «машинизация», *оньһожжоруулга* «механизация», *амжалта* «успех», *асуулта* «запрос; опрос», *туйлалта* «достижение» и т. д.

В современном литературном языке есть и заимствования из русского языка, еще не проникшие в разговорный и потому остающиеся книжными. К ним в первую очередь следует отнести русские имена прилагательные с суффиксами **-ическ-**, **-ск-**, **-онн-**, **-н-**, имена существительные женского рода на **-ца** и другие: *авиационно*, *агитационно*, *валютна*, *патриотическа*, *политехническа*, *факультетскэ*, *экономическа* и т. п.; *колхозница*, *ударница* и т. п.

Одни книжно-экспрессивные слова имеют возвышенную эмоциональную окраску, а другие — пониженную эмоциональную окраску.

К словам с возвышенной эмоциональной окраской относятся: а) торжественно-риторические слова: *бараалхаха* «быть на приеме у высокопоставленного лица, получать аудиенцию» (ср. *уулзаха* «встречаться»), *бэе лагшан* почтительно «самочувствие» (ср. *бэе* в знач. «здоровье»), *залирха* «угасать» (ср. *унтарха* «гаснуть, тухнуть»), *зоог* «трапеза» (ср. *хоол*, *эдеэн* «пища, кушанье»), *морилхо* «пожаловать, изволить приехать» (ср. *ерэхэ* «прибывать, являться»), *нойрсохо* «почивать» (ср. *унтаха* «спать»), *тагаалал* «кончина» (ср. *үхэл* «смерть»), *үндэрлэхэ* «пробуждаться от сна» (ср. *бодохо* «вставать»), *үргөө* «резиденция» (ср. *байра* «местопребывание, квартира»), *шэлээрхэхэ* почтительно «недомогать» (ср. *үбдэхэ* «болеть») и т. п.; б) поэтические слова и выражения: *бэльгүү* в сочетании *бэльгүү нюдэн* «всевидящие глаза» (ср. *хурса нюдэн* «зоркие глаза»), *жэ-гүүр* возвышенно (ср. обычное *дали*) «крылья», *номин* в сочет. *номин далаи* «лазурное море» (ср. *хүхэ далаи* «синее море»), *шэжэр* в сочет. *шэжэр алтан* «червонное золото» (ср. *улаан алтан* досл. «красное золото») и т. п.

К словам с пониженной эмоциональной окраской отно-

сятся: а) насмешливо-торжественные слова — это в большинстве своем те же торжественно-риторические слова, о которых шла речь выше, но употребленные в ироническом тоне или не к месту с целью вызвать насмешливо-комический эффект: *эсэгийн эрхэ тангил нойрһоо үндэрлөөдүй байна* «любимчик отца еще не изволил пробудиться от сна», *баабгайтай бараалхаха*³ «встретиться с его величеством медведем» и т. п.; б) книжно-несдобрительные слова и выражения: *баруунай ба зүүнэй хэлбэрил* «правый и левый уклон», *согдомдохо* «читать нотацію», *хүрэнгэтэн* «капиталисты», *эбсэхэ ябадал* «примиренчество», *эзэрхэг түримхэй* «империалистический», *эзэмдэхэ* «захватывать» и т. п.

Разговорно-бытовые слова могут быть таковыми лишь по сфере своего употребления, то есть быть просто разговорными словами, но могут они еще иметь экспрессивные оттенки, то есть быть разговорно-экспрессивными словами.

Разговорные слова характеризуются простотой и безыскусственностью. Они наиболее уместны в обиходно-бытовой речи. Но бурятские разговорные слова стали широко употребительными в современном литературном языке. Тем не менее наряду с ними в литературном языке нередко бытуют книжные слова, уместные при письменном изложении, в официальной речи или риторическом высказывании. Так, например, глаголы *дууһаха* «кончать, заканчивать», *критикэлхэ* «критиковать», *үдхэхэ* «разводить, размножать», *һамарха* «плавать», имена существительные *гулабхаа* «голубь», *һүүл* в знач. «конец», относительное прилагательное *хабаата* «относящийся к чему-либо», послелог *зүгһөө* «от имени» и т. п. представляют собой разговорные слова, тогда как соответствующие им по значению глаголы *түгэсэхэ*, *шүүмжэлхэ*, *үсхэхэ*, *тамарха*, имена существительные *тагтаа*, *эсэс*, относительное прилагательное *харьяата* и послелог *үмэнһөө*, напротив, являются книжными словами.

Одни разговорно-экспрессивные слова имеют положительную эмоциональную окраску, а другие — отрицательную эмоциональную окраску.

К словам с положительной эмоциональной окраской относятся: а) почтительные обращения к старшим по

³ См.: Д. О ш о р о в. «Баабгайн табиһан бухал», «Буряад үнэн» от 23 сентября 1962 г.

родству или возрасту, к уважаемым лицам: *аби* «папа», *абга* «дядя», *абгай* «почтительное обращение: 1) к старшей сестре; 2) к старшему вообще», *абгайхан* «почтительное обращение к жене старшего брата, тетя», *ахай* «почтительное обращение: 1) к старшему брату; 2) к старшему по возрасту или уважаемому человеку», *нагаса* «почтительное обращение к отцу или дяде по матери», *эжсы* «мама» и т. п.; б) фамильярно-ласкательные слова и выражения, в том числе и отрицательные названия, употребленные с ласкательным оттенком: *баарһан* «бедняга, бедняжка», *муха* «милый, милая», *хөөрхы* «бедняга»; *жаалдамар* «бедный, бедная», *хаатаршин*, *шолмо* и *шүдхэр даһаа* одобрительно «чертенок» и т. п.; к фамильярно-ласкательным словам следует отнести и слова так называемого детского языка: *а-аа* «красиво», *ам-ам* «укусит»; опасно; *ду-дуу* или *дуудай* «лошадка, лошадь», *ду-дүү* «автомашина», *ёёё* «больно», *маадай* «овца», *мөөдэй* «корова», *мээмэй* «хлеб», *ням-ням* «кушать; вкусно», *оо-оо* «бить», *түн-түү* «лоб», *үү-ай* «брать на руки; поднимать», *һаб-һаб* «собака», *һүнгэй* «молоко», *шуушай* «коза» и т. п.; в) эвфемизмы и табуистические названия: *зайла* «производитель» (вм. *буха* «бык»), *уруу һууха* так сказать «чаще садиться» (вм. *шэ-шэхэ* «поносить»), *хүл хүндэ* дословно «с отяжелевшими ногами» (вм. *түрэхэ* «беременная», дословно «которая должна родить»), *шэнгэниинь* «жидкое» (вм. *шээһэн* «моча»); *хорхой* дословно «червь» (вм. *могой* «змея»), *һүүлтэ* дословно «хвостатый» (вм. *шоно* «волк») и т. п.

К словам с отрицательной эмоциональной окраской относятся: а) проницательные слова: *жайбархаха* «бравировать», *ларжаархаха* «чваниться», *налжарбаатий* «манерный», *синхаархаха* «вести себя вызывающе» и т. п.; б) просторечные слова и выражения: *ардадхи* «щупленький человек», *бузар* в знач. усилительного слова «ужасно»: *бузар гоё* «ужасно красивый», *бузар һайн* «ужасно хороший»; *дур-дур гэхэ* «барабанить», *зольбо* применительно к человеку «бродячий, блудный», *мааялха* «плестись», *мунинха* «залихватский человек», *мухар нюдарга* «деляга», *озохо* «чмокать» (в знач. «целовать»), *панхаруудтаха* «обанкротиться», *пудайха* «отправить прочь», *самастиилха* «соблазнять», *тарзадхи* «коротыш», *халхагар* «мешковатый», *хубаа* «паря», *һүгэхэ* «садануть; брехать», *шортоо* «напрасно» и т. п.; в) грубые слова, в том числе ругательства: *золиг* «шельма», *нохой* «сукин сын» и т. п.

Представленные здесь некоторые данные показывают, что лексика бурятского языка в стилистическом отношении достаточно разнообразна и богата.

К сожалению, нельзя сказать, чтобы к этому своему языковому достоянию мы относились внимательно и бережливо. Скорее дело обстоит наоборот, причем в этом сказалось отрицательное влияние культа личности И. В. Сталина.

Во времена культа личности настолько было внушено представление об обострении классовой борьбы в период строительства социализма, что академик П. Я. Марр и некоторые другие лингвисты выдвинули теорию о классовости языка, а на местах, в том числе в нашей республике, в течение долгих лет развертывалась зашумительная критика против употребления якобы идеологически вредных слов.

Всячески изгонялись из сферы литературного употребления, например, слова *боти* «том», *жаса* «фонд», *замбуулин* или *замби тиб* «мир, вселенная», *зарлиг* «повеление; указ», *идхаха* «внушать; агитировать», *ниислэл* «столица», *ноён* «чиновник; начальник», *номнохо* «проповедывать; пропагандировать», *хото* «город» и т. д. Одни из них (*боти*, *жаса*, *замбуулин*, *зарлиг*, *идхаха*, *номнохо*) связывались с буддийской религией, другие (в частности, *ноён*) — с феодальным прошлым бурятского общества, а третьи (*ниислэл*, *хото*), в виду монгольского их происхождения, считались носителями панмонголистских идей!

Теперь нет необходимости доказывать, что подобного рода критика не имела под собой никакой почвы, тем более потому, что приведенные здесь и схожие с ними слова не проявляли тенденции к выпадению из словаря. Напротив, те из них, у которых оказалось устаревшее значение, в новых условиях, в условиях революционной перестройки общества, уже осмыслялись по-иному или получали дальнейшее развитие своего содержания. В этом отношении характерным является слово *ноён*, в прошлом означавшее «феодальный бурятский нойон, чиновник», но впоследствии приобретающее еще значение «начальник» и в этом своем значении весьма употребительное в современном разговорном языке.

Но критиканам не было дела до широкой употребительности слов. Так, в самый разгар этой горе-критики, во второй половине 1930-ых годов, замахивались на такие

даже слова, как *шаби* «ученик» и *багша* «учитель», на том, дескать, основании, что *шаби* — это «ученик ламы, то есть хуварак», а *багша* — это сам «учитель-лама», и с целью замены их были пущены в ход неологизмы *хурагша*, который собственно означает «учащийся», и *хургагша* — «преподаватель». Если в пределах школьного словоупотребления последние (*хурагша* и *хургагша*) в известной мере могли заменить первые (*шаби* и *багша*), то стилистически было бы совершенно недопустимой замена первых последними в таких выражениях, как «великие учителя пролетариата Маркс, Энгельс и Ленин», «ученики В. И. Ленина» и т. п.

Приходится напоминать об этих фактах потому, что в наши дни все еще встречаются выступления, направленные против восстановления в правах гражданства тех слов, которые необоснованно или во вред стилистическому богатству лексики изгонялись из литературного употребления⁴. Нам представляется, что в настоящее время могут стоять на позициях упомянутой выше горе-критики только те (особенно, если это языковеды), которые либо не сделали должных выводов из осуждения культа личности на XX и XXII съездах КПСС, либо не имеют сколько-нибудь удовлетворительного представления о лексических разнообразиях бурятского языка. Но было бы еще более огорчительно, если имеют место и то и другое: и политическое недомыслие, и фактическое незнание.

Иногда в печати можно встретить возражения против употребления стилистических вариантов слова в пределах даже разговорно-бытовых понятий. Так, например, в газете «Бурят үнэн» была опубликована заметка учителя Н. Намсараева, который совершенно неверно думает, что поэт Д. Улзытуев в своих детских стихотворениях не должен был употреблять такие стилистические варианты, как *дуудай* в знач. «конь», *мөөдэй* «корова», *маадай* «овца», *шуушы* «коза» и т. п.⁵

Но следует ли обвинять учителя-родноведа, которому никогда не приходилось слышать, что в словарном составе бурятского языка, как и в других, существуют стилисти-

⁴ См.: У. Ш. Д о н д у к о в. «За дальнейшее развитие бурятского языкознания», «Правда Бурятии» от 2 сентября 1958 г.

⁵ См.: Н. Н а м с а р а е в. «Бурят хэлээ зүбөөр үгүүлэх шухала», «Бурят үнэн» от 7 апреля 1962 г.

ческие пласты? Дело в том, что в курсе лекций по современному бурятскому языку, читаемых в Бурятском педагогическом институте и других вузах, ничего не говорится о стилистической дифференциации нашей лексики. Более того, по этому вопросу до сих пор не было ни одной даже статьи в монголоведческой литературе вообще. Вот почему здесь скорее виноваты языковеды, чем учителя.

Высказывания, так или иначе ориентирующие на сужение стилистических возможностей бурятского языка, наносили ощутимый урон языку прессы, тогда как язык художественной литературы был и остается менее подверженным подобного рода поветрию. Наиболее лучшие и плодотворные бурятские писатели и поэты Х. Намсараев, Ц. Дондубон, Б. Базарон, А. Шадаев, П. Балдано, Ц. Галсанов, Ж. Тумунов, Ч. Цыдендамбаев, Б. Батожабай, Б. Мунгонов, Д. Улзытуев и другие довольно широко и умело пользуются стилистическими средствами своего родного языка. Тем не менее в языке даже хороших наших писателей обнаруживаются некоторые стилистические погрешности.

Писатели нередко употребляют книжные слова или выражения в непринужденной разговорной речи и, тем самым, нарушают общий тон повествования. В окружении разговорной лексики довольно часто появляются следующие, например, литературно-книжные слова: *асууха*⁶ «задавать вопрос», *гадна*⁷ «кроме», *зогсохо*⁸ «стоять; останавливаться», *илангая*⁹ «в особенности», *соностохо*¹⁰ «слышаться», *тула*¹¹ «ради, из-за», *тус*¹² «данный» и т. п.

⁶ См.: П. Балдано. Шэлэгдэмэл нвсээнүүд, Улан-Удэ, 1948, стр. 6; Д. Батожабай. Багшашин хэн бэ? Улан-Удэ, 1957, стр. 41, 70, 123; Х. Намсараев. Суглуулагдамал зохёолнууд, т. 1, Улан-Удэ, 1958, стр. 173; Ч. Цыдендамбаев. Рассказууд, Улан-Удэ, 1956, стр. 11 и др.

⁷ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 4, 9, 22, 27, 55 и др.

⁸ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 55, 173, 185 и др.

⁹ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 17; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 50 и др.

¹⁰ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21, 119; Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай, Улан-Удэ, 1960, стр. 19; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 220 и др.

¹¹ См.: П. Балдано. Указ. соч., стр. 6; Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 22 и др.

¹² См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21, 22; Ч. Цыдендамбаев. Бурят басаган, Улан-Удэ, 1961, стр. 22 и др.

Кроме того, у отдельных авторов замечаются излюбленные вспомогательные книжные слова, которые часто употребляются не к месту и потому становятся словами-паразитами. Таковыми являются книжный соединительный союз *ба «и»* у писателя Д. Батожабая, так называемые показатели подлежащего *болбол* у Х. Намсараева и *хадаа* у Ж. Тумунова.

Писатели иногда употребляют просторечные слова или выражения там, где повествование ведется в положительном или даже приподнятом тоне, что несомненно вносит диссонанс в стиль изложения. В таком употреблении встречаются, например, следующие слова: *булай* в сочетании *булай баян*¹³ «страшно богатый», *гүзээн*¹⁴ «брюхо», *озохо*¹⁵ «чмокать», *үхин*¹⁶ «девка» и т. п.

Факты стилистически ошибочного использования лексического материала вызваны, на наш взгляд, тем, что основные бурятские писатели и поэты, хорошо владея своим языком практически, еще не научились употреблять слова всесторонне осознанно и теоретически осмысленно.

В интересах дальнейшего развития современного бурятского литературного языка необходимо глубоко изучать и рационально использовать накопленные веками богатства словарного состава, тщательно соблюдать и умело совершенствовать стилистические тонкости в употреблении дифференцированных пластов лексики.

---

¹³ См.: Д. Улзытуев. Ая ганга. Улан-Удэ, 1961. стр. 56 и др.

¹⁴ См.: Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 47 и др.

¹⁵ См.: Д. Батожабай. Барометр шуурга харуулна, Улан-Удэ, 1956, стр. 33; Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 25, 61 и др.

¹⁶ См.: Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 22; Ч. Цыдендамбаев. Минци найхан Жаргалма. «Буряад үнэн» от 16 сентября 1962 г.